

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Научная статья

УДК 316.722 + 7.034 + 72.03

DOI: 10.20323/1813-145X-2025-5-146-228

EDN: GTGZZK

Гипотеза русского Возрождения в контексте культуры России конца XV–XVI веков

Лариса Викторовна Никифорова

Доктор культурологии, профессор кафедры теории и истории культуры, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. 191186, Санкт-Петербург, наб. Реки Мойки, 48
nikiforova_lv@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9811-2411>

Аннотация. Попытки найти в русской культуре сходство с европейской эпохой Возрождения можно представить в трех основных вариантах. Первый – метафорический, когда речь идет о расцвете, достижениях, этот вариант не связан напрямую с поисками подобий европейскому Возрождению (например, Н. А. Бердяев о русском ренессансе начала XX века). Второй связан с поисками ренессансных черт, преимущественно, в литературе, но с широкими общекультурными выводами (например, Д. Лихачев о русском Предвозрождении XV–XVI веков, В. Кожин о русском государственном ренессансе XVII–XVIII веков). Такой подход является частью проблематики региональных (восточных) ренессансов и получил обстоятельную и справедливую критику. Третий вариант – определение контактов русской культуры с ренессансной Европой, в том числе участие итальянских мастеров в больших государственных архитектурных заказах конца XV–XVI веков как составная часть итальянского Ренессанса (Д. О. Швидковский о «московском Ренессансе»). Хотелось бы обратить внимание культурологов на ряд современных исследований архитектурных памятников, в которых вопрос о происхождении и семантике форм шатровых и многопрестольных храмов XVI века выходит на специфику контактов России и ренессансной Европы (А. Л. Баталов, Л. А. Беляев). Авторы приходят к выводу, что опыт ренессансных мастеров был использован для решения не ренессансных, а собственно русских религиозно-политических и историософских задач, связанных с изобретением символов царства в иконических образах исторического Иерусалима. Этот подход коррелирует с наиболее современными концепциями Ренессанса как уникальной версии историко-культурного процесса, имевшего общемировые последствия. С этой точки зрения вопрос переопределяется: вместо поисков аналогий с ренессансной культурой – рассмотрение форм и содержания контактов с европейской культурой. Тот факт, что контакты России с европейской ренессансной культурой были добровольными, является также уникальной историко-культурной ситуацией в масштабе мировой культуры.

Ключевые слова: Ключевые слова: история русской культуры; Ренессанс; культурные контакты; шатровые церкви; многопрестольные церкви; иеротопия; иконографический взрыв

Статья подготовлена в рамках проекта РГПУ им. А. И. Герцена по созданию учебника «История культуры России с древнейших времен до современности», 2025 год.

Для цитирования: Никифорова Л. В. Гипотеза русского Возрождения в контексте культуры России конца XV–XVI веков // Ярославский педагогический вестник. 2025. № 5 (146). С. 228–239. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2025-5-146-228>. <https://elibrary.ru/GTGZZK>

HISTORICAL ASPECTS OF THE STUDY OF CULTURAL PROCESSES

Original article

The hypothesis of the russian Renaissance in the context of russian culture in the late XV-th – XVI-th centuries**Larisa V. Nikiforova**

Doctor of culturology, professor at department of theory and history of culture, Herzen Russian state pedagogical university. 191186, St. Petersburg, Moika River emb., 48
 nikiforova_lv@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9811-2411>

Abstract. Attempts to find the similarities in Russian culture with the European Renaissance can be presented in three main variants. The first is metaphorical, when we talk about flourishing, achievements, and do not relate directly to the similarities with the European Renaissance (for example, N. A. Berdyaev on the Russian Renaissance of the early 20-th century). The second is related to the search for Renaissance features, primarily in literature, but with broad general cultural conclusions (for example, D. Likhachev on the Russian Pre-Renaissance of the 15th–16th centuries, V. Kozhinov on the Russian state Renaissance of the 17-th-18-th centuries). This approach is part of the problematic of regional (Eastern) Renaissances and has received thorough and fair criticism. The third is the definition of contacts between Russian culture and Renaissance Europe, including the participation of Italian masters in large state building projects of the late 15-th–16-th centuries as a direct continuation of the Italian Renaissance (D. O. Shvidkovsky on the «Moscow Renaissance»). I would like to draw the attention of researchers of culture to a number of contemporary studies of architectural monuments, in which the question of the origin and semantics of the forms of tent-roofed and multi-altar churches of the 16th century manifests the specifics of contacts between Russia and Renaissance Europe (A. Batalov, L. Belyaev). The authors come to the conclusion that the experience of Renaissance masters was used to solve not Renaissance issues, but specifically Russian religious, political and historiosophical problems associated with the invention of symbols of the tzardom in the iconic images of historical Jerusalem. This approach correlates with recent concepts of the Renaissance as a unique version of the historical and cultural process that had worldwide consequences. From this point of view, the question is redefined: instead of looking for analogies with Renaissance culture, we should pay attention to the forms and content of contacts with European culture. The fact that Russia's contacts with European Renaissance culture were voluntary and self-imposed is also a unique historical and cultural situation on the scale of world culture.

Key words: history of Russian culture; Renaissance; cultural contacts; tent-roofed churches; multi-altar churches; hierotopy; iconographic explosion

The article was prepared as part of the project of Herzen Russian state pedagogical university to create a textbook «History of the Russian culture from ancient times to the present», 2025.

For citation: Nikiforova L. V. The hypothesis of the russian Renaissance in the context of russian culture in the late XV-th–XVI-th centuries. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2025; (5): 228-239. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2025-5-146-228>. <https://elibrary.ru/GTGZZK>

Введение

В исторической культурологии есть тенденция присваивать имена эпохам и есть интерес к синхронным историческим процессам. В связи с этим именование «древнерусский» применительно к русскому средневековью кажется архаизмом, затуманивающим, а не проясняющим типологические черты исторической эпохи. Также не вполне продуктивны попытки называть некоторые эпохи русской истории Возрождением, проводя прямые аналогии с эпохой европейского Ренессанса.

Задача статьи – показать, как на современном этапе развития науки о культуре стоит видеть специфику русской культуры, синхронной евро-

пейскому Ренессансу, а также характер взаимоотношений между русским и европейским мирами. Автор статьи опирается на широкое понимание культуры как сферы человеческой деятельности, на идею исторической типологии культуры, в которой описание исторической эпохи основывается на «ансамбле признаков», позволяющих схватить целостность культурно-исторического феномена [Мосолова, 2023, с. 109]. Статья адресована, прежде всего преподавателям культурологии, истории культуры, которые должны уметь представлять сложные исторические процессы схематически, обобщенно, но не упустив главного.

Поиски русского Ренессанса в контексте гипотезы восточных Ренессансов: историографическое резюме

В историографии не раз возникал соблазн найти эпоху Возрождения в русской культуре. Такие попытки можно представить в трех основных вариантах. Первый – метафорический, когда речь идет о расцвете, достижениях, новациях и не связан напрямую с поисками подобий европейскому Возрождению. Так, например русскую религиозно-философскую мысль начала XX века Н. А. Бердяев называл русским духовным ренессансом. Среди ее истоков он видел русский марксизм, литературно-философское творчество русских писателей во главе с Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым, Д. С. Мережковским, западную идеалистическую философию, поэзию и драматургию символизма. Впрочем, Бердяев называл то же явление «модернизмом на православной почве», то есть параллелей с историческим ренессансом искал [Бердяев, 1935, с. 5]. А. А. Ермичѳев напоминает: «все, написанное Бердяевым — и о Ренессансе тоже, — наукой не является, а является выражением его мятущейся, изменчивой мысли <...> Ренессанс Бердяева с европейским Возрождением XIV–XVI веков не имеет ничего общего» [Ермичѳев]. Метафора Ренессанса применительно к русской культуре, как и любой другой, продолжает жить, но не претендует на историко-типологические обобщения.

Второй вариант связан с поисками ренессансных черт, преимущественно, в русской литературе, а через нее и в культуре в целом. Так, оспаривая принадлежность классицизму М. В. Ломоносова, Г. А. Гуковский предлагал видеть в нем «последнего великого представителя традиции культуры Возрождения в поэзии» [Гуковский, 1939, с. 108]. И. И. Иоффе, исходя из тезиса о том, что Ренессанс это явление, охватившее все европейские народы, предложил развернутую периодизацию русского Возрождения, в котором Предвозрождение или подготовка Ренессанса приходится на XVI век, ранний Ренессанс на XVII, а высоким Ренессансом становится век XVIII [Иоффе]. Д. С. Лихачев писал о Предвозрождении XV–XVI вв., которое не перешло в настоящее Возрождение. В творчестве Феофана Грека, Андрея Рублева, Дионисия, в житийной литературе, «Повести о Петре и Февронии» Д. С. Лихачев видел пробуждение индивидуальности, особый психологизм и динамику, «рвущую со старым и устремляющуюся вперед» [Лихачев, 1984, с. 480]. Причиной неудачи Возро-

ждения считал сильное государство и церковь, подавлявшие ереси и вольнодумство, в отличие от Италии, где свободные города стали колыбелью гуманизма. В. В. Кожинov писал о русском ренессансе второй половины XVII–XVIII вв. Но это, по его словам, был не вполне Ренессанс: «Полный демократического и личностного духа Аввакум выступает как религиозный фанатик и изувер; гуманистически образованный Симеон Полоцкий играет роль послушного, раболепного царедворца; вождь крестьянской войны Степан Разин похож более на разбойничьего атамана, чем на Томаса Мюнцера; практик и теоретик живописи ренессансного типа Симон Ушаков создает только иконы и назидательные гравюры» [Кожинov, 1963, с. 192–193]. Кожинov называет эту эпоху «государственным ренессансом». В отличие от европейской истории, здесь государственный абсолютизм появился после двух столетий высвобождения ренессансной личности, в России именно самодержавие стало созидательной почвой для «ренессансного раскрепощения личностей» [Кожинov, 1963, с. 193].

Третий вариант – квалификация определенно-го этапа истории России как национальной версии европейского, итальянского ренессанса. Д. О. Швидковский называет «московским ренессансом Палеологов» или придворном «ренессансом» Москвы конца XV–XVI столетий комплекс архитектурных памятников, созданных при участии и под руководством итальянских архитекторов: стены и башни Московского кремля, Успенский и Архангельский соборы, Грановитая палата, церковь Вознесения в Коломенском и ряд других [Швидковский, 2017, с. 147]. Речь о том, что источником идеи приглашения иностранцев для создания архитектурных сооружений, выражавших новый статус русского государства и государя, стали связи Москвы с уцелевшими Палеологами, осевшими в Италии. И архитектурные формы таких сооружений имеют ренессансные источники и аналоги. Одним из центральных фигур византийской диаспоры в Италии был униатский митрополит Виссарион, продвигавший идею «византийской реконкисты» с помощью Москвы и выступивший идеологом брака Ивана III и Зои-Софии Палеолог. Его личное знакомство с Аристотелем Фиораванти, который первым среди иностранцев был приглашен в Москву, служит необходимой связующей нитью между ренессансными архитектурными идеями, политическим заказом Москвы и архитектурной практикой на русской почве

[Швидковский, 2017, с. 149–151]. Д. О. Швидковский подчеркивает: «в России конца XV столетия условия для восприятия национальной традицией архитектурных идей итальянского Возрождения существовали» [Швидковский, 2017, с. 151], произошли революционные изменения в искусстве и возникли новые стилистические формы. Но делает много оговорок, например, называет этот период «"малым ренессансом" в неклассической архитектурной среде» [Швидковский, 2017, с. 179], обладающим ярко выраженным местным характером [Швидковский, 2017, с. 152], что свойственно национальным европейским ренессансам. Кажется, точнее назвал эту ситуацию А. Л. Баталов – «ренессансная интервенция в средневековую архитектуру» [Баталов, 2016, с. 54].

Попытки определить ренессансные черты русской культуры стоит рассматривать в контексте исследований неевропейских (восточных, региональных) ренессансов, а сформулированная по отношению к ним критика вполне релевантна и для гипотезы русского Ренессанса, в том числе и «московского ренессанса Палеологов». Пионером идеи восточных ренессансов считается Ш. И. Нуцубидзе с работой о Шота Руставелли (1947); пик дискуссий пришелся на середину 1950-х – 1960-е; центральной фигурой дискуссии и даже главой направления стал академик Н. И. Конрад. В рамках гипотезы региональных ренессансов предложено было обратить внимание на то, что в восточных культурах существовала мощная художественная и научная традиция, тонко разработанные практики интеллектуального досуга, восточным поэтам и философам были ведомы размышления о мире и человеке, они могли не соглашаться с правителями, могли наставлять их и обладали свободой суждения.

Из концепции восточных ренессансов следовало, что Ренессанс в современном понимании возник вначале на Востоке (китайское Возрождение отсчитывалось от VIII в. н. э.), а лишь затем в Западной Европе. Как писал академик Н. И. Конрад: «Постулирование наличия в их истории (в истории народов Кавказа, средней Азии, Ирана, Индии, Китая, Японии – прим. авт.) именно такой эпохи подсказано мыслью, что "эпоха Возрождения" возникает ... у народов с длительной, непрерывно развивавшейся исторической жизнью и культурой» [Конрад, 1974, с. 236–237]. Открытие Ренессансов за пределами Европы был доказательством того, что народы Восточной и Передней Азии, Дальнего Востока

являются полноправными участниками исторической эволюции. Что они не хуже, а во многом интереснее, богаче и древнее европейской цивилизации – оценочные характеристики являются неотъемлемым компонентом концепции Восточных Ренессансов. «Возрождение в Китае создало свою большую и оригинальную философию; Возрождение в Италии оригинальной философской системы не создало, – писал Н. И. Конрад, – Вначале у Петрарки и у ранних гуманистов вообще дело сводилось к ... стремлению свести всю философию к морали; позднее, со второй половины XV века ... появляются оригинальные мыслители, но целостной системы, как это получилось в китайском Возрождении, они создать не смогли» [Конрад, 1974, с. 237–238].

Концепция Восточных Ренессансов формировалась в годы холодной войны, и на ней, несомненно, лежит отпечаток идеологического противостояния. Впрочем, хорошо известно, что внеученные ценности и цели оказывают большое влияние на ход научных исследований. В концепции мирового Ренессанса чувствуется мощный импульс преодоления европоцентрической модели истории – и сегодня мы уже привычно говорим о полицентричном мире, о множественности и нелинейности историко-культурных процессов.

Среди критиков гипотезы региональных ренессансов были академик М. П. Алексеев, Л. М. Баткин, С. С. Аверинцев, В. И. Рутенбург. Важной вехой можно считать работу М. Т. Петрова «Проблема Возрождения в советской науке. Спорные вопросы региональных ренессансов» [Петров, 1989]. Автор мыслил эту монографию частью полемики и написал как дискуссионную, но ответа не последовало. В силу комплекса внеученных и научных причин (перестройка, в том числе гуманитарного знания, ревизия его методологических оснований) историографическое исследование М. Т. Петрова стало ее финалом [Телушкина, 2015].

Основные возражения авторам гипотез о ренессансах за пределами Европы можно свести к следующим.

Во-первых, в гипотезе восточных ренессансов размывается специфика итальянского и европейского Возрождения, слишком широко и оттого внеисторически трактуются гуманизм, антропоцентризм, возрождение древности. Как заметил Л. М. Баткин, «прежде чем искать Ренессанс в Бухаре, нужно договориться, что такое Ренессанс во Флоренции» [Баткин, 1969, с. 104].

Во-вторых, также размывается и специфика культур Востока: «усматривать везде и повсюду культуру, соответствующую специфически европейским идеалам и нормам художественного творчества, являет собой усложненную разновидность того же европоцентризма», – возражал С. С. Аверинцев В. С. Чалояну, автору работы об армянском Ренессансе 1963 года [Аверинцев, 1981, с. 11]. Л. С. Васильев, один из оппонентов гипотезы восточных Ренессансов, в своем капитальном труде «История Востока» исходил из того, что Европа и Восток – «две структуры, два пути развития» [Васильев, 1994, с. 7].

В-третьих, Ренессанс в европейской культуре – это по историческим меркам короткий, но поворотный период как для Европы, так и для всего мира. Так называемые восточные ренессансы растянулись почти на тысячелетие, но к аналогичным революционным результатам не привели. Как заметил М. Т. Петров, «величие Кабира, Низами, Руставели, Алишера Навои или Ду Фу неоспоримо, общепризнано и всегда будет признаваться и обогащаться новыми гранями ..., но ни их национальное достоинство, ни их общечеловеческая значимость не требуют и не предполагают со всей непремностью признания их представителями Возрождения» [Петров, 1989, с. 69].

М. Т. Петров предлагал «деаксиологизировать» понятие Возрождения [Петров, 1989, с. 69], которое неизбежно несет в себе оценочный компонент, как бы историки и культурологи не декларировали равноценность исторических эпох и культур разных народов и государств. Ренессанс воспринимался не как научный термин, а как метафора расцвета и достижений, а отсутствие такой эпохи – как ущербность историко-культурного процесса [Петров, 1989, с. 68]. М. Л. Андреев назвал интеллектуальное движение за открытие восточных ренессансов «сакрализацией» понятия [Андреев, 1998, с. 326].

В наши дни, насколько можно судить, полемика о восточном ренессансе не ведется, представители тех и других взглядов существуют параллельно и между собой не дискутируют. При этом об узбекском, казахском и других ренессансах пишут, как о чем-то само собой разумеющемся. И эта идея теперь откровенно политизирована, поскольку привлечена к обоснованию культурного права на суверенитет и новые политические альянсы. Так, для кандидата исторических наук из Узбекистана это аргумент в пользу единства культурного пространства народов Турана, а Третий ренессанс республики Узбекиста-

на формулируется как политическая цель [Манзаров, 2021, с. 7].

Также порой некритично используется гипотеза русского Ренессанса в учебниках по истории русской культуры, во-многом потому, что за ней стоят весьма уважаемые авторы, ссылки на которых как будто превращают дискуссионные тезисы в аксиомы, не нуждающиеся в доказательствах. Так, в учебнике А. А. Горелова со ссылкой на В. В. Кожинова русским Возрождением назван период «с конца XVII столетия до золотого века русской культуры (XIX в.)», а его характерными чертами – «двуединный процесс национального самосознания и одновременно приобщения к мировой культуре» [Горелов, 2013, с. 173]. Однако указанные тенденции не являются характерными признаками европейского Ренессанса, не принимается во внимание и существенная разница между ренессансным освоением древности и «приобщением» России к мировой культуре в XVII–XVIII веках. Остается без внимания и критика – М. Т. Петров «кожиновскую трактовку теснейшей спаянности и единства ренессансной формы личности и абсолютистской национально-государственной идеи» называет курьезной, основанной на целом ряде aberrаций и допущений [Петров, 1989, с. 203].

Гипотеза русского Ренессанса – это один из самых противоречивых участков разработки концепции Ренессанса как такового и одновременно один из самых эмоционально нагруженных. В осмыслении русской истории существовала насущная и драматическая потребность найти собственный Ренессанс, слишком уж близки были русская и европейская культура нового и новейшего времени, когда собственно эта рефлексия последовала; слишком силен культ Ренессанса – и в гуманитарных науках, и в художественном творчестве и теории. Как замечал М. Л. Андреев, «познавая Возрождение, мы в значительной мере познаем себя, высказываясь о Возрождении, раскрываем себя и свои глубинные мировоззренческие установки» [Андреев, 1998, с. 320]. Именно поэтому гипотеза русского Ренессанса не списана в архив и проявляется в самых разных формах.

Ренессанс как уникальный историко-культурный феномен: внутренний и внешний контуры

Сегодня концепция Ренессанса как феномена европейской культуры в значительной степени разработана и уточнена, прежде всего, со стороны представителей культурно-антропологического

подхода. Для них важны не только идеи и достижения, но практики, повседневность, социальные связи и структуры или, словами Л. М. Баткина, интерес к «внутренней логике ренессансной культуры, к тому, как она была “устроена”» [Баткин, 1989, с. 10]. Из этого подхода следует уникальность европейского Ренессанса. «Ренессанс не входит в число универсальных закономерностей мирового развития», – утверждал М. Т. Петров [Петров, 1989, с. 220]. Это явление конкретной исторической эпохи и конкретного региона, повлекшее за собой серьезные изменения культурной динамики, сказавшиеся без преувеличения на судьбах всего мира.

Как писал М. Т. Петров, «Восток в его общепотребительных географических очертаниях никогда и ни с какой точки зрения единым регионом не был (разве что исключительно с позиций противопоставления Запад-Восток), тогда как Европа в большей мере могла бы претендовать на статус «региона» [Петров, 1989, с. 55]. В этом смысле европейский ренессанс – это региональный вариант историко-культурного развития, имевший общемировые последствия.

У эпохи европейского ренессанса есть два контура – внутренний и внешний. Во внутреннем контуре – ренессансный гуманизм и собственно возрождение античности, новаторство в художественном творчестве, становление рациональной картины мира, открытие индивидуальности – все то, что обеспечило модернизационный рывок европейского региона. Это выход европейского региона за свои пределы – так называемые Великие географические открытия и первоначальное накопление капитала, что точнее было бы назвать началом великой экспансии. В результате произошло «европейское чудо» – так метафорически называют превращение небольшого, бедного и малонаселенного (по сравнению с Востоком) региона в мирового господина, задающего критерии прогресса. «Европейское чудо» – аналог метафоры «греческое чудо», которое Э. Холл объясняла так: «бедность греческой среды вынудила древних греков путешествовать и колонизировать не только Средиземное, но и Черное море. Поскольку у них не было огромных плодородных полей, как в египетской и месопотамской цивилизациях, им пришлось покинуть дом, и эта диаспора составила корень “греческого чуда”» [Hall, 2015, p. 12]. Но если «греческое чудо» охватило собой Средиземноморье и Причерноморье, то потенциала модернизации

для «европейского чуда» хватило практически на весь глобус.

Во внешнем контуре эпоха Ренессанса – это время встречи различных цивилизаций с европейцами, это начало подключения мира к решению внутриевропейских проблем, превращение Европы в неустрашимый фактор любой культуры любого уголка мира.

Процесс модернизации как становления Нового времени начался в западноевропейской культуре и был органичен для этого региона. Там он был естественным, то есть был вызван внутренними причинами локальной (региональной) культуры. Неслучайно рациональное мировоззрение называют европейским типом рациональности [Быстров, 2015], новый тип личности – новоевропейской автономной личностью [Баткин, 1989, с. 236–239]. Не говоря уже о ренессансном гуманизме, который по смыслу ближе «не к области гуманного, а к области гуманитарного», и, вкладывая в него современное словарное значение, мы рискуем «ошибиться эпохой», – подчеркивает М. Л. Андреев [Андреев, 1998, с. 337]. Только благодаря возрождению античности ордерная архитектура стала пониматься эталоном архитектурности и распространилась по миру. Только в Европе произошло открытие масляной фигуративной живописи, которая, как провокативно подчеркивал Бергер, «прославляла товары так, как никогда ранее в истории искусства <...> Многие произведения искусства других культур и периодов прославляли богатство и власть, поклонялись богам и князьям, но они изображали социальный или божественный порядок. Масляная живопись славит умение покупать и владеть» [Berger]. Во всех остальных регионах мира подобные новшества и в целом процессы модернизации культуры происходили при непосредственном или опосредованном участии европейской культуры.

Поэтому правильнее было бы не искать ренессансные черты в иных культурах, в том числе в русской, а ставить вопрос о том, что происходило в неевропейских регионах в эпоху европейского Ренессанса. Заметим, что сегодня утвердилось более нейтральное понятие раннего Нового времени (XV–XVII века) [Всемирная история, 2011, с. 5–8], включающее в себя и эпоху европейского Ренессанса, и мир в эту эпоху. При такой постановке вопроса с пониманием двух контуров европейского ренессанса главным содержанием историко-культурного процесса становятся места и формы контактов с Европой,

их специфика и те изменения, к которым такие контакты вели. И что немаловажно, – отличия характера, путей и результатов этих изменений от того, что синхронно или несколько раньше происходило в европейской культуре. Между прочим, в масштабе мировой культуры Россия – единственная цивилизация, добровольно осуществлявшая эти контакты. И это тоже уникальная историко-культурная ситуация.

«Иконографический взрыв» середины XVI века и специфика контактов русской и ренессансной культур

Хотелось бы обратить внимание культурологов на ряд современных исследований архитектурных памятников, в которых осмысление контактов России и ренессансной Европы происходит в результате выяснения конкретных историко-архитектурных задач, но выводы, из них следующие, претендуют на статус типологических характеристик культуры. Речь идет об «иконографическом взрыве» середины XVI века – так называют появление новых художественных форм – новых типов икон, новых форм храмов, не имевших аналогов в предшествующей традиции [Баталов, 2001, с. 139]. Для средневекового искусства, ориентированного на каноны и образцы, появление новых форм свидетельствует о важных изменениях. И не только в области формы, но и символической сфере, которую эти формы воплощали.

Среди радикальных архитектурных новаций – шатровая Церковь Вознесения в Коломенском (1528–1532), обетный храм Василия III в царской усадьбе, и многопрестольный на едином основании собор Покрова на Рву (1555–1561), возведенный по повелению Ивана Грозного в честь Казанского взятия. Долгое время в необычных формах храмов видели традиции деревянного крепостного или церковного зодчества, переведенные в камень, и считали их творческой эманацией национального духа, пробудившегося после освобождения от татаро-монгольского ига: «Их появление связано с подъемом национального самосознания, с образным отражением силы и гордости нации, скинувшей ярмо иноземного гнета» [История русской архитектуры, 1994, с. 195]. А. Л. Баталов называет такую логику «экстраполяцией реалий национального модерна начала XX века на архитектуру Позднего Средневековья» [Баталов, 2016, с. 71]. Идее самобытности мешали явные готические и классицистические элементы – треугольные вимперги прямо под московскими килевидными кокошниками,

пилястры с импостами классической пропорций, классические архитектурные обломы. К тому же деревянные постройки, с которыми можно было бы сравнить каменные шатры, не сохранились. В последней трети XX века для церкви Вознесения было доказано «широкое участие иноземных мастеров и/или руководство одним из них строительством» [Баталов, 2013, с. 113], наиболее вероятным претендентом на авторство считается Петрок Малый. В настоящее время «окончательно утвердилось представление о церкви Вознесения как русско-итальянском памятнике, положившем начало ранее не существовавшему на Руси типу каменных шатровых храмов» [Баталов, 2013, с. 115]. На основе подробного анализа архитектурных форм Собора Покрова А. Л. Баталов приходит к выводу, что строителем был выходец из Северной Италии, который «на основе романских, готических, ренессансных и местных мотивов... создал никогда не существовавший до него образ ... $\diamond$... абсолютная свобода, которую получали мастера на чужой территории, позволила автору собора реализовать на русской почве идею построения центрического многочастного сооружения» [Баталов, 2016, с. 328]. То есть привычное объяснение оказалось уравниванием со многими неизвестными.

Добавим, понятия нации, национального самосознания отсутствовали в интеллектуальном горизонте XVI в. – все это появится позже, в XIX веке, и тогда возникает неорусский стиль, цитирующий некоторые формы архитектуры периода иконографического взрыва. А. Л. Баталов напоминает, что «в художественном сознании средневековья отсутствовали такие категории, как стилистическое единство, целостность художественного облика» [Баталов, 1993, с. 112]. А. Н. Лидов, изучая происхождение луковичных глав над церквями, распространение которых приходится на рубеж XVI–XVII веков и также может считаться компонентом «иконографического взрыва», подчеркивал, что категория декоративности с точки зрения символического мышления не может быть руководящей. Речь идет «не о формально декоративном, а об иконографически значимом мотиве, имеющим конкретное символическое содержание» [Лидов, 1990, с. 61]. Чем же могли руководствоваться заказчики и архитекторы, к чему стремились, изобретая новые художественные формы?

А. Л. Баталов и Л. А. Беляев предложили следующее объяснение (За подробным обоснованием с анализом историографии, источников и ар-

хитектурных форм отсылаем к [Баталов, 2016]). И Вознесенская церковь, и собор Покрова на Рву действительно рассчитаны на взгляд снаружи, они как бы что-то изображают. Баталов называет их формы иконическими знаками, то есть имеющими визуальное сходство с тем, что они обозначают. Исследователи назвали такие церкви «иконами Иерусалима» и убедительно предположили, что за новыми формами стояла задача визуального, узнаваемого воплощения образов Святой земли как исторически конкретного места.

Церковь Вознесения, а вслед за ней и другие центричные шатровые храмы (круглые, шести- и восьмигранные, ярусные, столпообразные) воплощали иерусалимский Анастасис – церковь над местом погребения Христа в храме Воскресения, то есть Святую землю в образе его главной святыни. Собор Покрова на Рву и другие центричные многопрестольные храмы на едином основании, созданные с ориентацией на облик Покровского собора, воплощали «идеализированную модель храмового комплекса над Святыми местами Иерусалима» [Баталов, 2016, с. 374]. Это еще одна иконография Иерусалима и собственно храма Воскресения как совокупности церквей на местах страстей Христовых, Распятия и Воскресения.

Разумеется, для всего христианского искусства значим образ Иерусалима, но на Западе и Востоке он имел свои особенности. Мотивы исторического Иерусалима были характерны для западного искусства, их появление в русском искусстве XV–XVI вв. объясняется европейским влиянием, традицией копирования («переноса») святых мест, чего не было в русской культуре домонгольского времени. Формально и семантически русская шатровая архитектура XVI в. близка романо-готической традиции и особенно памятникам паломнического круга, тематически и иконографически связанным с Гробом Господним в Иерусалиме [Баталов, 2013, с. 146–150].

И вместе с тем церковь Вознесения и собор Покрова на Рву представляют собой новые типы храмов, родившиеся в результате встречи двух культур – России и Европы.

А. Л. Баталов предлагает видеть в возникновении новых архитектурных форм ренессансный тип творчества, использованный для решения специфических задач, поставленных русским заказчиком. Технология как целенаправленное создание новых художественных форм была в руках итальянских мастеров. Они уже владели «комбинаторным мышлением, ведущим к созда-

нию принципиально новых образов, не имеющих аналогий в предшествовавшем опыте» [Баталов, 2016, с. 58]. Планиметрически собор Покрова на Рву близок поискам идеального центрического храма, композиционное построение объемов, пластический язык также «связаны с ренессансной архитектурной культурой и соотносятся с сформировавшимися в ней принципами образования архитектурных форм» [Баталов, 2016, с. 88]. Задача же диктовалась заказчиками, которые руководствовались не вообще эстетическими или специфически художественными идеями, а историософскими. Необходимостью воплощения нового статуса государства как царства в образах святого града.

Не вдаваясь в детали, отметим, что важнейшей религиозно политической и одновременно историософской тенденцией конца XV–XVI столетия было осознание мессианской роли Московского царства и сакральной природы царской власти. Исторические события второй половины XV–XVI вв. переживались в эсхатологическом контексте как завершение одного временного цикла и начало другого, благодаря чему Московское государство было понято как царство, наделенное особой исторической миссией [Успенский, 2002]. Симптомами сакрализации истории стали появление царского титула и именование государства царством. Слова царь и царство в языке того времени, объяснял Б. А. Успенский, имело источником библейский текст: царями называли Давида, Соломона, Сеула, царствами Израильское, Иудейское, Вавилонское [Успенский, 2002, с. 151–152]. Московский царь символически продолжал этот ряд, а московское царство входило в ряд царств мировой истории. В русской культуре представления о сакральном характере царской власти, формировавшиеся в XVI столетии, были связаны, прежде всего, с осмыслением русской истории.

Но философско-политических трактатов русские мыслители не писали, как это делали ренессансные гуманисты. В русской культуре, словами В. В. Бычкова, господствовал «принцип невербализуемого выражения основных духовных ценностей эпохи ... Они выражены в формах самой культуры – в обычаях, этикете, обряде, искусстве и т. п., а не в научных трактах и теоретических концепциях» [Художественно-эстетическая культура, 1996, с. 309]. Литература, архитектура, изобразительное искусство стали манифестациями (буквально «обнаружение, проявление с помощью действия» от лат. *manus* –

рука) идеи сакральности государства и его мес-сианских функций, формами религиозно-политического творчества. Интенсивность создания образов и символов царства (иконографический взрыв) восполняла отсутствие сколько-нибудь разработанной теории абсолютизма, как это было в западноевропейской политической мысли.

Возвращаясь к специфике контактов ренессансных мастеров и русских заказчиков и новаторских архитектурных форм, перед нами явление неренессансной культуры. Оно вдохновлено не познанием законов искусства, законов пропорции, не реализацией теории архитектурных форм, а теория, к слову, имела в искусстве итальянского Ренессанса квазисакральный статус. Все это ближе явлению иеротопии (создание сакральных пространств), этим понятием А. М. Лидов определял базовый принцип средневекового творчества [Лидов, 2009]. В эту деятельность входит и узнавание сакрального места, и переориентация на новый символический прообраз.

Инициаторами строительства новаторских сооружений были государи Василий III, Иван III, Иван IV, Борис Годунов и ближайший круг государева двора – Нарышкины, Прозоровские, Голицыны, Шереметевы, Бестужевы. То есть переориентация на новый символический прообраз исходила от самой вершины власти.

За пределами государева двора бытовал тип крестово-купольного храма, но и он под влиянием новой иконографии к XVII веку изменился и приобрел иконические черты образа Иерусалима. Трехчастная осевая композиция типа «храм – трапезная – колокольня» или многосоставная композиция церкви с приделами, крыльцами, воротами, увенчанными шатрами и главками, были своеобразной адаптацией образа церкви-града. Среди таких памятников – церковь Рождества Богородицы в Путинках (Москва) и церковь Ильи Пророка в Ярославле. К иконическим знакам Иерусалима отсылало многоглавие церквей, среди наиболее ярких примеров которого – пятнадцатиглавая церковь Иоанна Предтечи в Толчкове, двадцатидвухглавая Преображенская церковь в Кижях [Мельник, 1991, с. 142].

Действительно, значимой тенденцией конца XV–XVI стало влияние западноевропейских традиций, участие европейских мастеров, использование европейских образцов в больших художественных и одновременно религиозно-политических проектах. Прежде всего, в строительстве великокняжеских и царских residen-

ций, которые представляли собой не дворцово-парковые (как в Европе), а дворцово-храмовые комплексы. К таким проектам относится не только перестройка Соборной площади и великокняжеских (царских) палат в Московском Кремле в конце XV – начале XVI вв., но и резиденция Ивана Грозного в Александровской слободе, которую называют опричной столицей. В подмосковной царской усадьбе в Коломенском оказались максимально сосредоточены самые новаторские архитектурные формы, вплоть до деревянного дворца царя Алексея Михайловича. Деревянный дворец тоже может быть назван дворцом-Иерусалимом, поскольку его символическим прообразом был дворец библейского царя-строителя, царя-мудреца Саломона [Никифорова, 2011, с. 178–204]. Но это еще не усвоение методов и форм европейской архитектуры, а «период адаптации иностранных архитекторов к условиям русского заказа, к русской архитектурной, а точнее, культурной традиции» [Баталов, 2001, с. 136].

К другим примерам художественных стратегий осмысления места Московского царства в мировой истории относятся «Лицевой летописный свод» (1568–1676) – рукописный богато иллюстрированный многотомник, в котором история российского государства стала продолжением истории библейской, античной, византийской. В нем широко использована переводная литература. «Степенная книга царского родословия» (конец 1550-х — начало 1560-х гг.) – первая попытка обобщающего концептуального изложения русской истории. Она опиралась на летописи, хронографы, жития, но стрелковой стала мысль о том, что благо и целостность страны обеспечиваются единством дома Рюриковичей, правящих по благословению Церкви и по нравственным законам христианства.

Резюме

Итак, как будто бы ренессансное явление – появление новых художественных форм в русской архитектуре конца XV–XVI веков не является ренессансным по своей сути. Оно не связано со свободой творчества или гуманистической кооперацией мецената и исполнителя. Это было привлечение чужого опыта для решения собственных задач. Причем, вполне возможно, итальянские архитекторы и инженеры решали в этом заказе свои задачи, а ктитория – свои. Но результат, похоже, удовлетворил обе стороны. Попытки наложить на эпоху Московского цар-

ства матрицу европейского ренессанса затушёвывают специфику русской культуры ему синхронной, но имевшей другое внутреннее содержание. Более содержательно называть период конца XV–XVII веков культурой Московского царства или эпохой Раннего нового времени, главное содержание которой – формы контактов с Европой и несовременное содержание многих, казалось бы, вполне современных практик.

Библиографический список

1. Аверинцев С. С. Греческая литература и ближневосточная «словесность»: (Противостояние и встреча двух творческих принципов) // Религия и литература : сб. ст. [Б. м.]: Эрмитаж, 1981. С. 5–33.
2. Андреев М. Л. Культура Возрождения // История мировой культуры: Наследие Запада. Античность. Средневековье. Возрождение / отв. ред. С. Д. Серебряный. Москва : РГГУ, 1998. С. 319–411.
3. Баталов А. Л. Идея многопрестольности в московском каменном зодчестве середины – второй половины XVI века // Русское искусство позднего средневековья. Образ и смысл : сб. научн. тр. / под ред. А. Л. Баталова. Москва : НИИ теории и истории изобразит. искусств, 1993. С. 103–141.
4. Баталов А. Л. Собор Покрова Богородицы на Рву: история и иконография архитектуры. Москва : Лингва-Ф, 2016. 456 с.
5. Баталов А. Л. Собор Покрова на рву: ренессансная интервенция в пространство Позднего Средневековья // Искусствознание. 2016. № 3. С. 54–97.
6. Баталов А. Л. Судьбы ренессансной традиции в средневековой культуре. Итальянские формы в русской архитектуре XVI века // Искусство христианского мира : сб. статей. Вып. 5. Москва : Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского ин-та, 2001. С. 135–142.
7. Баталов А. Л. Церковь Вознесения в Коломенском: архитектура, археология, история / А. Л. Баталов, Л. А. Беляев. Москва : МГОМЗ, 2013. 203 с.
8. Баткин Л. М. Итальянское возрождение в поисках индивидуальности. Москва : Наука, 1989. 272 с.
9. Баткин Л. М. Итальянское возрождение: проблемы и люди. Москва : РГГУ, 1995. 448 с.
10. Баткин Л. М. Тип культуры как историческая целостность. Методологические заметки в связи с итальянским Возрождением // Вопросы философии. 1969. № 9. С. 99–108.
11. Бердяев Н. А. Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал «Путь» // Путь. 1935. № 49. С. 3–22.
12. Быстров В. Ю. У истоков европейской рациональности: границы дискурсов философии // Вестник СПбГУ. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2015. Вып. 3. С. 36–44.
13. Васильев Л. С. История Востока: в 2 т. Т. 1. Москва : Высшая школа, 1994. 495 с.
14. Всемирная история: в 6 т. Т. 3 / гл. ред. А. О. Чубарьян. Москва : Наука, 2011. 854 с.
15. Горелов А. А. История русской культуры : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2013. 387 с.
16. Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. Москва : Учпедгиз, 1939. 528 с.
17. Ермичев А. А. Суждения Н. А. Бердяева о «русском культурном ренессансе» и настоящее значение этого термина // Альманах «Studia culturae», Studia culturae. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество. 2002. № 2. С. 9–24.
18. Иоффе И. И. Русский Ренессанс // Ученые записки ЛГУ. Вып. 9. Серия филолог, наук. Ленинград, 1944. С. 236–285.
19. История русской архитектуры : учебник для вузов / В. И. Пилявский, Т. А. Славина, А. А. Тиц [и др.]. Санкт-Петербург : Стройиздат СПб., 1994. 600 с.
20. Кожин В. В. Происхождение романа. Теоретико-исторический очерк. Москва : Советский писатель, 1963. 439 с.
21. Конрад Н. И. Об эпохе Возрождения // Избранные труды. История. Москва : Наука, 1974. С. 235–264.
22. Лидов А. М. Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. Москва : Дизайн. Информация. Картография, 2009. С. 7–34.
23. Лидов А. М. Иерусалимский кувуклий: о происхождении луковичных глав // Иконография архитектуры / под ред. А. Л. Баталова. Москва : ВНИИТАГ, 1990. С. 57–68.
24. Лихачев Д. С. Вопрос о возрождении на Руси // История всемирной литературы: в 8 т. Т. 3. Москва : Наука, 1984–1985. С. 480–487.
25. Манзаров Ю. Х. Наука в восточной эпохе возрождения // Проблемы науки. 2021. № 3. С. 5–7.
26. Мельник А. Г. К вопросу о символике наружных форм храма XVII в. // Сообщения Ростовского музея. Вып. 1. Ростов : Рост.-Яросл. архитектур.-художеств. музей-заповедник, 1991. С. 142.
27. Мосолова Л. М. Типология культуры // Культурология : учебник для вузов / К. Г. Антонян, Т. В. Артемьева, А. В. Бондарев [и др.] ; под ред. Л. М. Мосоловой. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург : Лань, 2023. С. 104–110.
28. Никифорова Л. В. «Дворец-Иерусалим» царя Алексея Михайловича в селе Коломенском // Чертоги власти. Дворец в пространстве культуры. Санкт-Петербург : Искусство, 2011. С. 178–204.
29. Петров М. Т. Проблема Возрождения в советской науке: спорные вопросы региональных ренессансов / под ред. В. И. Рутенбурга, А. Н. Цамутали. Ленинград : Наука, 1989. 241 с.
30. Телушкина О. В. «Восточный ренессанс»: исчезнувшая актуальность // Мир историка. Историко-графический сборник. Вып. 10. Омск : Изд-во Омского университета, 2015. С. 274–293.

31. Успенский Б. А. Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва – Третий Рим» // Этюды о русской истории. Санкт-Петербург : Азбука, 2002. С. 89–148. С. 149–196.

32. Художественно-эстетическая культура Древней Руси XI–XVII вв. / под ред. В. В. Бычкова. Москва : Ладомир, 1996. 560 с.

33. Швидковский Д. О. Московский ренессанс Палеологов / Д. О. Швидковский, Г. В. Есаулов, Д. А. Карелин, Ю. Е. Ревзина ; отв. ред. И. Б. Куликова // Прошлое и будущее классической архитектуры : монография. Москва : Архитектура-С, 2017. 528 с.

34. Berger J. Ways of Seeing. Episode 3 (1972). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m3amhbmOC18> (дата обращения: 01.08.2025).

35. Hall E. Introducing the ancient greeks: From Bronze Age Seafarers to Navigators of the Western Mind. London: Bodley Head, 2015. 305 p.

Reference list

1. Averincev S. S. Grecheskaja literatura i blizhnevostochnaja «slovesnost'»: (Protivostojanie i vstrecha dvuh tvorcheskih principov) = Greek literature and Middle Eastern «literature»: (Confrontation and meeting of two creative principles) // Religija i literatura : sb. st. [B. m.] : Jermitazh, 1981. S. 5–33.

2. Andreev M. L. Kul'tura Vozrozhdenija = Renaissance culture // Istorija mirovoj kul'tury: Nasledie Zapada. Antichnost'. Srednevekov'e. Vozrozhdenie / отв. ред. S. D. Serebrjanyj. Moskva : RGGU, 1998. S. 319–411.

3. Batalov A. L. Ideja mnogoprestol'nosti v moskovskom kamennom zodchestve serediny – vtoroj poloviny XVI veka = The idea of multi-seat in Moscow stone architecture of the middle – second half of the XVI century // Russkoe iskusstvo pozdnego srednevekov'ja. Obraz i smysl : sb. nauchn. tr. / pod red. A. L. Batalova. Moskva : NII teorii i istorii izobrazit. iskusstv, 1993. S. 103–141.

4. Batalov A. L. Sobor Pokrova Bogorodicy na Rvu: istorija i ikonografija arhitektury = Cathedral of the Protection of the Virgin on the Moat: history and iconography of architecture. Moskva : Lingva-F, 2016. 456 s.

5. Batalov A. L. Sobor Pokrova na rvu: renessansnaja intervencija v prostranstvo Pozdnego Srednevekov'ja = Cathedral of the Intercession on the moat: Renaissance intervention in the space of the Late Middle Ages // Iskustvoznanie. 2016. № 3. S. 54–97.

6. Batalov A. L. Sud'by renessansnoj tradicii v srednevekovoj kul'ture. Ital'janskije formy v russkoj arhitekture XVI veka = Fates of the Renaissance tradition in medieval culture. Italian forms in 16-th-century Russian architecture // Iskustvo hristianskogo mira : sb. statej. Vyp. 5. Moskva : Izd-vo Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo Bogoslovskogo in-ta, 2001. S. 135–142.

7. Batalov A. L. Cerkov' Voznesenija v Kolomenskom: arhitektura, arheologija, istorija = Ascension Church in Kolomenskoye: architecture, archeology, history / A. L. Batalov, L. A. Beljaev. Moskva : MGOMZ, 2013. 203 s.

8. Batkin L. M. Ital'janskoe vozrozhdenie v poiskah individual'nosti = Italian revival in search of individuality. Moskva : Nauka, 1989. 272 s.

9. Batkin L. M. Ital'janskoe vozrozhdenie: problemy i ljudi = Italian revival: problems and people. Moskva : RGGU, 1995. 448 s.

10. Batkin L. M. Tip kul'tury kak istoricheskaja celostnost'. Metodologicheskie zametki v svyazi s ital'janskim Vozrozhdeniem = Culture type as historical integrity. Methodological notes in connection with the Italian Renaissance // Voprosy filosofii. 1969. № 9. S. 99–108.

11. Berdjaev N. A. Russkij duhovnyj renessans nachala XX v. i zhurnal «Put'» = Russian spiritual renaissance of the beginning of the XX century. and the magazine «Way» // Put'. 1935. № 49. S. 3–22.

12. Bystrov V. Ju. U istokov evropejskoj racional'nosti: granicy diskursov filosofii = At the origins of European rationality: the boundaries of the discourses of philosophy // Vestnik SPbGU. Ser. 17. Filosofija. Konfliktologija. Kul'turologija. Religiovedenie. 2015. Vyp. 3. S. 36–44.

13. Vasil'ev L. S. Istorija Vostoka = History of the East: v 2 t. T. 1. Moskva : Vysshaja shkola, 1994. 495 s.

14. Vsemirnaja istorija = World History: v 6 t. T. 3 / gl. red. A. O. Chubar'jan. Moskva : Nauka, 2011. 854 s.

15. Gorelov A. A. Istorija russkoj kul'tury = History of Russian culture : uchebnik dlja vuzov. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva : Jurajt, 2013. 387 s.

16. Gukovskij G. A. Russkaja literatura XVIII veka = Russian literature of the XVIII century. Moskva : Uchpedgiz, 1939. 528 s.

17. Ermichjov A. A. Suzhdenija N. A. Berdjaeva o «russkom kul'turnom renessanse» i nastojashhee znachenie jetogo termina = Judgments of N. A. Berdjaev about the «Russian cultural renaissance» and the real meaning of this term // Al'manah «Studia culturae», Studia culturae. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo. 2002. № 2. C. 9–24.

18. Ioffe I. I. Russkij Renessans = Russian Renaissance // Uchenye zapiski LGU. Vyp. 9. Serija filolog, nauk. Leningrad, 1944. S. 236–285.

19. Istorija russkoj arhitektury : uchebnik dlja vuzov = History of Russian architecture: a textbook for universities / V. I. Piljavskij, T. A. Slavina, A. A. Tic [i dr.]. Sankt-Peterburg : Strojizdat SPb., 1994. 600 s.

20. Kozhinov V. V. Proishozhdenie romana. Teoretiko-istoricheskij ocherk = Origin of the novel. Theoretical and historical essay. Moskva : Sovetskij pisatel', 1963. 439 s.

21. Konrad N. I. Ob jepohe Vozrozhdenija = About the Renaissance // Izbrannye trudy. Istorija. Moskva : Nauka, 1974. S. 235–264.

22. Lidov A. M. Ierotopija. Prostranstvennye ikony i obrazy-paradigmy v vizantijskoj kul'ture = Hierotopy. Spatial icons and paradigm images in Byzantine culture. Moskva : Dizajn. Informacija. Kartografija, 2009. S. 7–34.

23. Lidov A. M. Ierusalimskij kuvuklij: o proishozhdenii lukovichnyh glav = Jerusalem couvucium:

on the origin of bulbous domes // Ikonografija arhitektury / pod red. A. L. Batalova. Moskva : VNIITAG, 1990. S. 57–68.

24. Lihachev D. S. Vopros o vrozozhdenii na Rusi = The question of revival in Russia // Istorija vseмирnoj literatury: v 8 t. T. 3. Moskva : Nauka, 1984–1985. S. 480–487.

25. Manzarov Ju. H. Nauka v vostochnoj jepohe vrozozhdenija = Science in the Eastern Renaissance // Problemy nauki. 2021. № 3. S. 5–7.

26. Mel'nik A. G. K voprosu o simvolike naruzhnyh form hrama XVII v. = On the question of the symbolism of the external forms of the temple of the XVII century // Soobshhenija Rostovskogo muzeja. Vyp.1. Rostov : Rost.-Jarosl. arhitektur.-hudozhestv. muzej-zapovednik, 1991. S. 142.

27. Mosolova L. M. Tipologija kul'tury = Culture typology // Kul'turologija : uchebnyk dlja vuzov / K. G. Antonjan, T. V. Artem'eva, A. V. Bondarev [i dr.] ; pod red. L. M. Mosolovoj. 2-e izd., ispr. i dop. Sankt-Peterburg : Lan', 2023. C. 104–110.

28. Nikiforova L. V. «Dvorec-Ierusalim» carja Alekseja Mihajlovicha v sele Kolomenskom = «Palace-Jerusalem» by Tsar Alexei Mikhailovich in the village of Kolomenskoye // Chertogi vlasti. Dvorec v prostranstve kul'tury. Sankt-Peterburg : Iskustvo, 2011. S. 178–204.

29. Petrov M. T. Problema Vrozozhdenija v sovetskoj nauke: spornye voprosy regional'nyh renessansov = The problem of the Renaissance in Soviet science: controver-

sial issues of regional renaissance / pod red. V. I. Rutenburga, A. N. Camutali. Leningrad : Nauka, 1989. 241 s.

30. Telushkina O. V. «Vostochnyj renessans»: ischeznuvshaja aktual'nost' = «Eastern Renaissance»: disappeared relevance // Mir istorika. Istoriograficheskij sbornik. Vyp. 10. Omsk : Izd-vo Omskogo universiteta, 2015. S. 274–293.

31. Uspenskij B. A. Vosprijatie istorii v Drevnej Rusi i doktrina «Moskva – Tretij Rim» = Perception of history in ancient Russia and the doctrine of «Moscow – Third Rome» // Jetjudy o russkoj istorii. Sankt-Peterburg : Azbuka, 2002. S. 89–148. S. 149–196.

32. Hudozhestvenno-jesteticheskaja kul'tura Drevnej Rusi XI–XVII vv. = Artistic and aesthetic culture of Ancient Russia XI–XVII centuries. / pod red. V. V. Bychkova. Moskva : Ladamir, 1996. 560 s.

33. Shvidkovskij D. O. Moskovskij renessans Paleologov = Moscow Renaissance Paleologues / D. O. Shvidkovskij, G. V. Esaulov, D. A. Karelin, Ju. E. Revzina ; otv. red. I. B. Kulikova // Proshloe i budushhee klassicheskoy arhitektury : monografija. Moskva : Arhitektura-S, 2017. 528 s.

34. Berger J. Ways of Seeing. Episode 3 (1972). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m3amhbmOC18> (data obrashhenija: 01.08.2025).

35. Hall E. Introducing the ancient greeks: From Bronze Age Seafarers to Navigators of the Western Mind. London: Bodley Head, 2015. 305 p.

Статья поступила в редакцию 28.07.2025; одобрена после рецензирования 15.08.2025; принята к публикации 11.09.2025.

The article was submitted 28.07.2025; approved after reviewing 15.08.2025; accepted for publication 11.09.2025